

КАТЕРИНА ЦВИК

НЕВЫНОСИМАЯ.

АКАДЕМИЯ ЛУН

В сердце академии

Катерина Цвик

Невыносимая. Академия Лун

«Автор»

2026

Цвик К.

Невыносимая. Академия Лун / К. Цвик — «Автор», 2026 — (В сердце академии)

Когда ты становишься неудобной, сразу приобретаешь статус невыносимой. Ну что ж, дорогой мой бывший жених, не надо меня выносить — я сама уйду! Что? Я никому, кроме тебя, не нужна? В Академии Лун нет ненужных! Зато в ней есть страшный и ужасный ректор, который назвал меня очень талантливой. Кстати, не такой уж он и страшный. Книга является частью литмоба "В сердце академии" и находится в процессе написания

© Цвик К., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Не надо меня выносить – я сама уйду!	5
Глава 2. Чтобы закрыть горькую главу своей жизни, нужно выплакать ее итоги. Желательно на груди мужчины	8
Глава 3. Воспоминания и планы на будущее	11
Глава 3.2	13
Глава 3.3	15
Глава 3.4	17
Глава 4. Слона не заметить сложно, но можно...	18
Глава 4.2	19
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Катерина Цвик

Невыносимая. Академия Лун

Глава 1. Не надо меня выносить – я сама уйду!

— Я расторгаю нашу помолвку, — произнесла я решительно.

— Изабелла, что на тебя нашло? — явно не поверил моим словам мой уже бывший жених.

— Ничего. Я просто ставлю тебя в известность, что больше не хочу с тобой иметь ничего общего.

— Чего ты добиваешься?! — явно подозревая какую-то игру с моей стороны, спросил он.

Только я не Джинни и никогда в такие игры не играла, а он явно об этом забыл.

Кривая улыбка сама собой напознала на мое лицо.

— Ты невыносима! — не дождавшись от меня никаких объяснений, выдал Джеремай и от негодования сжал кулаки так, что побелели костяшки.

— Не надо меня выносить. — Я повела бровью и вздернула подбородок. — Я сама уйду! — Развернулась и пошла к двери.

— Стой! Ты куда?! Изабелла, мы еще не договорили! — попытался он меня остановить.

— Извини, Джери, но...

— Меня зовут Джеремай! — почти прокричал он мне в спину.

Я лишь подняла руку и пошевелила пальчиками, показывая ему жест, который однозначно можно было трактовать как «пока-пока». Я знала, что он ненавидел, когда его называли Джери. Так когда-то звали облезлого дворового кота, жившего неподалеку от наших домов, и раздутое эго моего жениха... **бывшего** жениха не могло пережить подобного сравнения.

Еще совсем недавно я сама была готова размазать по стенке любого, кто исковеркал бы его имя, но сейчас просто старалась держать лицо и не разреветься.

— Ты все равно вернешься! Кому, кроме меня, нужна такая сирота, как ты?! — выкрикнул он.

Я на мгновение застыла у двери, переживая очередной удар от некогда любимого человека. Он знал, куда бить, но не понимал, что после того, что я узнала, его выпады лишь еще больше убеждали меня в мысли, что мне с этим человеком не по пути.

— Может, я никому и не нужна, но... — начала было я, но внезапно дверь передо мной открылась, и я увидела Джинни, мою сводную сестру.

Хотя как сестру? Меня она таковой никогда не считала. Хотя было время, когда я искренне надеялась, что семья Брук станет для меня настоящей.

Не срослось...

— Что ты здесь делаешь? — удивилась она. — Разве ты не должна сейчас работать над курсовой Джеремай?

Я улыбнулась и нарочито удивленно вздернула брови:

— Какой курсовой?

— Иза, ты невыносима! Конечно, я говорю про курсовую для Джеремай! — воскликнула она и посмотрела на меня как на дурачку. Потеребила свой идеальный светлый локон, окинула меня подозрительным взглядом и добавила: — Он расстроится, если ты не сделаешь ее вовремя.

— Действительно... — протянула я, наконец в полной мере осознавая, как эта парочка ездила на мне почти три года нашего обучения в академии. — Какая жалость...

А ведь еще вчера эта ее фраза смутила бы меня и заставила нестись в библиотеку в поисках информации для курсовой Джеремай, а заодно и курсовой Джинни.

«Изабелла, не будь такой бессердечной. Ты же знаешь, что Джинни занята на репетиции песни для бала по случаю окончания учебного года! Ей сейчас так сложно везде успевать! А тебе взять в разработку еще одну тему будет совсем нетрудно. Ты же у меня такая умная. Будь хорошей девочкой, помоги сестре», — вспомнила я одну из фраз Джеремай.

Сознание затопил жгучий стыд. Как я могла быть такой слепой, глухой и... Да душой! Как я могла быть такой душой?!

А еще душу раскаленным железом жгли слова, которые я случайно услышала вчера вечером и которые в одночасье перевернули мою жизнь, но вспоминать которые сейчас было для меня равносильно смерти.

Слишком больно. А расплакаться сейчас я не могла себе позволить. Ни за что!

— Ты чего? — удивилась Джинни, ощущая, что что-то идет не так.

— Изабелла, — Джеремай преодолел разделявшее нас расстояние и ухватил меня за руку, — мы еще не закончили! Что за бред ты несла насчет расторжения помолвки?

«Улыбайся, Изабелла! Это ведь так раздражает недоброжелателей!» — пронеслась в голове шальная мысль, и я улыбнулась этим двоим так ослепительно, как только могла. А потом активировала собственноручно сделанный артефакт защиты вот от таких вот хватателей — отличная вещь в толпе и не только, — и в руку Джеремай вонзилась огненная искра, заставив его взвыть и отскочить от меня подальше.

— Ай! Иза?! — На его лице читалось такое изумление, что это было бы даже смешно, если бы не было так грустно.

Я ничего ему не ответила. Развернулась и, чуть задев плечом так и продолжавшую стоять в дверном проеме Джинни, вышла в коридор.

— Ах ты дрянь! — заверещала она, немного отойдя от шока.

— Изабелла! Ты еще об этом пожалеешь! Тебе придется очень сильно постараться, чтобы я тебя простил! — выбежал следом за мной в коридор Джеремай.

— Угу, бегу и падаю. Коленки стерла, — буркнула я, пока мне в спину продолжало нестись не пойми что.

Предложить, что ли, им выпить универсальное противоядие? А то такими темпами захлебнутся собственным ядом.

Я покачала головой и наконец вышла из мужского общежития. Оказавшись на улице, вдохнула свежий весенний воздух и вдруг поняла, что больше не могу и дальше держать лицо и сдерживать слезы. Крутанулась на пятках и побежала по тропинке в самую глухую часть академии, чтобы наконец выплакаться и принять произошедшее.

Ноги несли меня так быстро, как могли, хотя дороги из-за слез я уже почти не разбирала.

— Ой! — Я вскрикнула от боли и неожиданности, когда, завернув за угол, на полной скорости в кого-то врезалась.

Покачнулась и шлепнулась бы на землю, но меня придержали сильные руки моей невольной жертвы.

— Прости... — Я наконец подняла глаза, проморгалась, в ужасе икнула и добавила: — ...те.

Дорогие читатели! Вот я и начинаю новую историю! По задумке, она не будет большой, зато очень интересной, веселой и полной любви и приключений!)

"Невыносимая" находится в процессе написания. Кто не знает, это формат, когда книга не глотається залпом, а читается по главам, так сказать, под кофеек по мере того, как автор ее пишет. Может даже и вместе с вами, читателями.) Поверьте, своими комментариями вы иногда наталкивают на очень интересные мысли!)

История пишется в рамках литмоба "В сердце академии". Все истории литмоба можно найти здесь: <https://www.litres.ru/series/v-serdce-akademii-924576/>

Глава 2. Чтобы закрыть горькую главу своей жизни, нужно выплакать ее итоги. Желательно на груди мужчины

А как не икнуть, если тебя держит за талию и хмуро разглядывает страшный и неприступный ректор всея нашей Академии Лун?!

Адепты говорят, он такой страшный, что боевики, у которых он ведет некоторые лекции, боятся даже вздохнуть в его присутствии! А девушки, которые имели неосторожность строить ему глазки, отказались от этой затеи после первых же попыток.

И нет, рогов и копыт, как у рунков[1], Конрад Страйк не имел, зато все компенсировал его отвратительный характер. Ректор был язвительен, неуступчив, злопамятен и никогда не улыбался.

А сейчас, со сведенными к переносице бровями, он и вовсе выглядел устрашающе.

— Адептка Терн, что случилось? — внезапно спросил он, а я чуть снова не упала, но уже от осознания того, что ректор знает мою фамилию.

— Я ик... — Я постаралась ладонями стереть с лица слезы, но это получалось плохо.

В этот момент у меня перед носом появился платок. Я подняла недоверчивый взгляд на ректора и снова икнула.

— Берите, адептка, — раздраженно поторопил он.

Ну, я и взяла, уткнулась носом в приятно пахнущую мужским парфюмом ткань и... рыдалась еще горше.

А все потому, что внезапно осознала: ко мне впервые за долгое время проявили заботу. Причем совершенно чужой человек. Да что там, страшный и ужасный ректор, который, как мне казалось раньше, в принципе не способен на сострадание. Мои же собственные родственники, которые приютили меня после смерти родителей, и жених уже давно забыли, что мне нужны обычное внимание, человеческое тепло, а иногда и помощь.

Они всегда мне твердили, что я сильная и что я что-то должна, но, как оказалось, и у меня есть предел, а мне никто ничего не должен. В голове снова возникли вчерашние события, и блокировать эти воспоминания и дальше у меня просто не получилось.

Я уже почти закончила курсовые Джеремая и Джинни и спешила к жениху, чтобы хоть немного побыть с ним наедине. В последнее время я была так занята, что уже и не помнила, когда он меня целовал или даже просто обнимал. Дальше поцелуев и обнимашек до свадьбы мы заходить, разумеется, не собирались, но в редкие минуты таких объятий я отдыхала душой и снова начинала верить, что не зря еще в детстве влюбилась в Джеремая.

— Как же мне надоело, что Изабелла постоянно трется рядом с тобой! — услышала я возмущенный возглас еще на подходе к комнате жениха и притормозила.

Дверь в его комнату оказалась слегка приоткрыта, и разговор на повышенных тонах можно было услышать без труда.

— Джинни, ты же знаешь, что я провожу все свободное время с тобой, а не с ней. — Такой родной и знакомый голос Джеремая в этот момент показался чужим, но спутать его с чьим-либо еще было невозможно. — Так почему ты злишься? — И он поцеловал ее.

Спутать эти звуки с чем-то иным было сложно.

А у меня от потрясения закружилась голова, и, чтобы не упасть, я оперлась на стену у самой двери, продолжая слушать беседу сводной сестры и Джеремая.

— Да потому, что твоя невеста она, а не я! — прервав поцелуй, капризно произнесла Джинни.

— Да какая разница? Все равно все считают моей невестой тебя, а не ее. А подруг у Изы нет, и некому ей сказать, что все думают, будто она за мной бежит, потому и выполняет все мои поручения.

— Да, я об этом позаботилась. Отвадила даже тех, кто еще как-то пытался общаться с этой заучкой! Но это не значит, что я тебя не ревную! — делано обиженным тоном произнесла она.

— Джинни, солнышко, ну не надо так говорить! Хочешь, пойдем на выходных в город и я куплю серебряное колечко, которое приглянулось тебе в прошлый раз?

— Это которое Изабелла рассматривала битый час, прежде чем отойти от витрины? Я вспомнила то колечко: милое, нежное, с небольшим бирюзовым камешком, который так подходил к моим глазам. Фразу про глаза тогда сказал Джеремей, и я была уверена, что он подарит мне это кольцо на мой скорый день рождения.

— Наверное, — как-то неопределенно произнес он. — Но по-моему, тебе понравилось другое.

— Нет, я хочу то! — тут же отозвалась Джинни. — Ты ведь подаришь мне его, правда? — тоном искусительницы спросила она, и я снова услышала звуки поцелуев.

— Конечно, Джинни. — Дыхание Джеремей сбилась, послышались шорохи снимаемой одежды. — Для тебя — что угодно!

— И в город на гуляния ты пойдешь со мной, а не с ней. Ведь правда? — хихикнула она, а потом простонала что-то нечленораздельное.

— Конечно, Джинни. Только придумай причину, которая задержит ее в академии, — сдавленно ответил он, явно находясь в процессе, так сказать, спаривания.

— Да без проблем! Мне за пропуски всегда кучу рефератов нужно делать. Скажем, что это нужно тебе. Эта дура все сделает.

— Не называй ее так, — все же решил возразить Джеремей. — Изабелла ведь для нас старается.

— Вот пусть и дальше старается, сидя в пыльной библиотеке, и на тебя даже не смотрит! — ревниво произнесла Джинни и застонала от удовольствия.

Мой жених рассмеялся и явно ускорился.

Я же и дальше стоять у приоткрытой двери уже не могла. Казалось, меня царапало изнутри нечто невыносимо колючее и ядовитое.

В детстве Джеремей был не таким. Он делился со мной булочками, защищал от местной пацанвы, которую науськивала Джинни, и, казалось, был единственным, кому я была небезразлична после гибели родителей.

Но люди меняются, а иногда, видимо, очень сильно.

Весь вечер и ночь я провела в какой-то непонятной прострации. Казалось, внутри меня что-то ломалось и срашивалось заново. Я переосмысливала все события, которые произошли в моей жизни, и осознание собственной близорукости словно замораживало внутренности.

Пережить это было нелегко, но этой ночью я решила: Изабелла, которую все знали, умерла. Я больше никогда не поставлю чьи-либо интересы выше своих. Теперь у меня есть только я, и чужой любви и одобрения мне не нужно! О чем и заявила Джеремею, отказавшись от помолвки.

Однако всему есть предел, внутренности таки окончательно разморозились, и теперь я рыдала на груди страшного и ужасного ректора и просто физически не могла остановиться.

— Адептка, вы невыносимы, — пробормотал он раздраженно, явно не зная, что со мной делать.

Но этой фразой лишь вызвал еще больший слезоразлив. Даже Чудовище, как называли ректора за глаза адепты, охарактеризовало меня этим словом.

— Н-н-не, ик, н-н-не надо меня, ик, выносить, — судорожно пыталась я выдать фразу, которая в скором времени, видимо, станет моей коронной. — Я, ик, с-сама, ик, уйду. — И попыталась высвободиться из его объятий.

— Куда? — рявкнул он, заставив меня снова икнуть.

А потом подхватил меня на руки и куда-то понес.

Куда именно? Да какая разница?

Я обхватила Чудовище за шею и продолжила орошать его рубашку слезами, ощущая, как с этими слезами душу покидает то самое колючее и ядовитое, что терзало меня изнутри со вчерашнего вечера.

А еще внезапно в голове возникла совершенно неуместная мысль о том, что рубашка, галстук и, пожалуй, жилет ректора впервые познакомились с женскими слезами. Какая у них сегодня, оказывается, незабываемая встреча произошла!

От этих мыслей меня вдруг пробило на хи-хи, и шаги ректора почему-то значительно ускорились. [1] Рунки – твари разломов.

Глава 3. Воспоминания и планы на будущее

Честно говоря, я думала, что ректор несет меня в лекарское крыло. Туда, правда, идти далеко, можно сказать, на другой конец академии, но куда еще мог меня тащить Конрад Страйк?

Оказалось, что у него были варианты. Причем совсем рядом. Потому что уже через несколько минут я оказалась на кушетке в какой-то небольшой, уютно обставленной гостиной.

Вернее, меня попытались на нее положить, но я вцепилась в ректора, как утопающий за соломинку, и не желала отпускать того, кто в столь тяжелую минуту моей жизни дарил мне свое тепло. Причем и в обычном, физическом смысле — он был теплым, живым, настоящим, а я даже не осознавала, как важно мне сейчас было не остаться одной. И в общечеловеческом смысле тоже — не бросил же он меня там, на дороге, не обругал и не начал менторским тоном вещать, что вести себя так не подобает. А похожих обвинений в моей жизни было предостаточно. Дорогие родственнички и так называемые близкие люди умело взращивали во мне чувство вины и перекладывали ответственность за свои действия на мои хрупкие плечи.

Это я сейчас осознавала особенно ярко, как некое озарение.

Вот так я и привыкла справляться со всем одна. И пожалуй, можно было сказать всем моим «учителям» спасибо за этот навык, но прямо сейчас я была не в силах разжать пальцы и лишиться тепла, которое исходило от этого мужчины.

— Ну хорошо, — вздохнул ректор, снова подхватил меня на руки, и скоро я поняла, что меня усадили на стол. Раздался звук льющейся жидкости. — Адептка Терн, выпейте. Это успокоительное. Вам станет легче. Ну же. — И погладил меня по спине.

Я всхлипнула, повернула голову и увидела перед своим носом бокал с успокоительным. Ректор прав, нужно приходить в себя. Но как?! Казалось, сил на это у меня просто не осталось.

Все же сделав над собой усилие, я разжала руки, которыми все еще обхватывала шею Конрада Страйка, взяла стакан и поднесла к губам. Благо ректор помог мне его придержать, а то руки ходили ходуном.

Зубы несколько раз ударились о стенку стакана, но я таки смогла сделать глоток. Успокоительное обожгло горло, глаза мои расширились, но Чудовище, которого по недоразумению я считала ректором академии, наклонил стакан так, что мне пришлось в несколько глотков допить его содержимое.

Я закашлялась, ощущая, как жжет горло, и пытаюсь протолкнуть в легкие воздух. Неужели ректор решил меня убить, таким незамысловатым образом отомстив за назойливость?

Однако эта мысль не успела закрепиться в моем сознании. Неприятные ощущения быстро сошли на нет, и я поняла, что истерика меня отпустила, а в груди разлилось тепло.

— Ч-что это было? — спросила я, когда смогла наконец нормально говорить.

— Успокоительное, — повторил ректор. — Между прочим, травы для него я подбираю лично.

— Угу.

Слезы все еще капали из моих глаз, но надрыв ушел, и стало легче дышать.

— Хороший у вас сбор, — прокомментировала я и высморкалась, стараясь сделать это как можно более деликатно, но вышло у меня плохо.

Н-да, теперь возвращать платок ректору будет слишком стыдно даже после стирки. Я посмотрела на зажатый в ладони кусочек ткани, подняла голову на так и продолжавшего стоять совсем рядом ректора и пообещала:

— Простите, я куплю вам новый.

— Не берите в голову, адептка, — отмахнулся он, хмуро меня разглядывая. Налил мне в стакан еще немного своего лекарства и придержал за локоть, помогая слезть со стола.

Какой ужас! Я сидела на ректорском столе, и ректор меня не убил! А может, все еще впереди?

Глава 3.2

От подобных мыслей я невольно вздрогнула и поспешила сделать из бокала большой глоток. Каким бы страшным ни был Чудовище, он на меня еще даже не нарычал, можно сказать, все было наоборот. А значит, есть надежда, что все как-нибудь обойдется.

— Садитесь, адептка. — Так и придерживая меня за локоть, ректор довел меня до кушетки.

— А может, я лучше пойду? — Я наконец в полной мере осознала, чьим все это время, так сказать, пользовалась гостеприимством, и решила это заканчивать.

Однако у самого уна[1] Страйка были другие мысли.

— Адептка Терн, садитесь, — властно произнес он, и я сама не заметила, как оказалась на кушетке. — Вот так, — кивнул ректор, подтянул поближе кресло и уселся напротив меня. — А теперь рассказывайте, что случилось.

Я открыла рот, закрыла его, снова открыла и поняла, что не знаю, с чего начать. Признаться в том, что столько лет доверяла не тем людям и пыталась добиться их любви или хотя бы симпатии, было стыдно. Как же глупо я себя вела! Любовь ведь нельзя заслужить. Либо она есть, либо ее нет. Но когда тебе из года в год внушают, что ты кому-то что-то должна, в это волей-неволей начинаешь верить.

— Начните с самого начала, — словно прочитал мои мысли ун Страйк, и я... отпила еще немного успокоительного и неожиданно для себя начала настолько с начала, что даже сама удивилась:

— Когда мне было десять лет, мои родители погибли в пожаре. — Я запнулась и отвернулась. — Простите, ун Страйк, я...

— Нет-нет, рассказывайте, — прервал он мои метания. — Как они погибли?

— Мама была артефактором, и что-то случилось в ее лаборатории. Произошло резкое возгорание. Отец пытался ее спасти, но так вышло, что погиб вместе с ней.

Я замолчала, вспоминая время, когда пыталась смириться с утратой самых близких людей. Как раз тогда я попала в дом Берков, и жизнь стала почти невыносимой. Джинни невзлюбила меня сразу, а остальные члены семьи поражали своим безразличием. Иногда Джинни тоже переставала меня замечать, и тогда жизнь становилась терпимой. Длилось это обычно недолго, заканчивалось в самый неожиданный момент, а наказания от приемных родителей сыпались как зерно в молотильню[2].

Тогда же я начала сбегать из дома. Когда меня находили, тоже сильно наказывали, но у меня были эти дни свободы! И они стоили любых наказаний. Наверное, именно благодаря этим дням я поняла, что нужно просто пережить время в доме Берков и обязательно, как и мама, поступить в Академию Лун.

Но пожалуй, я бы все равно не выдержала и все же сбежала с какими-нибудь бродячими комедиантами — были такие мысли, — если бы однажды в соседнем доме не появились новые жильцы.

Джеремай... он многое изменил в моей жизни. Когда он был рядом, Джинни начинала вести себя более прилично и соседские мальчишки переставали ко мне цепляться. А перед самым поступлением в академию Джеремай внезапно сделал мне предложение, и я искренне радовалась этому и думала, что все плохое осталось позади.

Как же я ошибалась... Мотивы Джеремая были совсем иными. Он никогда меня не любил и не хотел сделать счастливой. Он лишь хотел иметь при себе послушную девочку, которая будет учиться за него и его обожаемую Джинни, корпеть над учебниками, пока он будет развлекаться на полную катушку, и молча терпеть унижения.

Я подняла глаза на ректора и поняла, что молчание затянулось.

— Я поступила в академию вместе со своим женихом и сводной сестрой, — наконец произнесла я, опуская никому не нужные подробности. — А вчера узнала, что все три года нашей учебы они за моей спиной встречались. Я же в это время, как самая настоящая дура, сидела в библиотеке и писала за них курсовые, рефераты и домашние работы. Все. — Я посмотрела на свои сомкнутые в замок руки. — Мир не рухнул на голову, жизнь не закончилась, просто одна глупая девушка поняла, что многие годы жила иллюзиями. — Сказав это, я осознала, как глупо сейчас выгляжу, и мне снова стало стыдно. Я залпом допила остатки успокоительного и, пряча глаза, поднялась, чуть покачнувшись при этом. — Простите, что потратила ваше время. Я, пожалуй, пойду.

— Сядьте, адептка Терн, — мрачно произнес ректор, и от его тона коленки у меня подкосились сами собой.

Я бухнулась обратно на кушетку и уставилась на Чудовище широко раскрытыми глазами, не зная, чего ожидать от него дальше.

— Вы правы, мир никому на голову не рухнул, — тем временем продолжал он сверлить меня взглядом. — Но это не отменяет того факта, что вы пережили предательство. Вы доверились не тому человеку. К сожалению, такое случается. — А потом ректор задал вопрос, который напрочь выбил меня из колеи: — Но что вы собираетесь делать дальше?

[1] Ун – обращение к мужчине; уна – обращение к женщине; унса – обращение к незамужней девушке.[2] Сыпаться как зерно в молотильню – фразеологизм, который означает появляться, доставаться или происходить в очень большом, неисчерпаемом количестве.

Глава 3.3

Не знаю, какой ответ хотел услышать ректор, но я вдруг осознала, что мне придется вернуться в комнату, которую я делила с Джинни, и мне стало плохо. Сегодня ночью я так глубоко была погружена в себя, что даже не заметила, ночевала ли она в женском общежитии вообще, но сегодня... Она ведь мне жизни теперь не даст!

К тому же мы с Джинни учимся в одной группе, и теперь ее скверный характер ничто не будет сдерживать. Всего же на нашем курсе две группы артефакторов, и во второй учится Джеремай. Переводиться — не вариант. И это только то, что касается моего, так сказать, душевного здоровья. А сколько еще подводных камней меня ждет... В общем, куда ни посмотри — всюду топкое болото.

— Ун Страйк, а вы можете перевести меня в другую академию? — с надеждой посмотрела я ему в глаза.

— Нет, — сказал, будто пригвоздил, он. От его тона я даже вздрогнула. Отчего-то не ожидала, что ответ будет таким враждебным. Но следующие его слова заставили меня устыдиться: — Унса Терн, вы столько времени тратили на людей, которые этого не застуживали, столько усилий прилагали, чтобы не видеть насмешливых взглядов ваших однокурсников. И теперь, когда прозрели, хотите сбежать, как поджавшая хвост собачонка?

— Я вовсе не это имела в виду! — возразила я, не желая выглядеть в глазах ректора именно так, а потом... Потом я с горечью осознала, что и он начал меня осуждать и перешел к упрекам. Вздернула подбородок и спросила: — Что вы вообще знаете? Как можете говорить, что я трусиха, если не пережили того же? — Я сжала руки в кулаки, ощущая, как, несмотря на изрядное количество выпитого успокоительного, меня снова начинает потряхивать.

— А кто вам сказал, что не пережил? — ответил он, сверля меня мрачным взглядом. На мгновение я опешила от такого откровения, но ректор продолжил свою обличительную речь: — Что, адептка Терн, испугались вдруг насмешливых и осуждающих взглядов и шепотков? Может, из-за этих подлецов еще и из академии уйти вздумаете?

— А если и так. Вам какое до этого дело?! Как вы смеете меня осуждать?!

От переизбытка эмоций я подскочила с кушетки, выпрямившись, как перетянутая струна. Вот-вот и со звоном порвусь.

Ректор тоже сидеть не стал и встал, нависая надо мной грозовой тучей. Но меня уже несло. Наверное, в других условиях и при других обстоятельствах я бы, как обычно, промолчала и просто ушла. Но сейчас противоречивый клубок чувств и эмоций рвал меня изнутри, заставляя изливать на это Чудовище правду, которая никогда раньше никому не была нужна. Сейчас тоже вряд ли что-то изменилось, но остановиться я уже не могла.

— Вы тут рассуждаете об унижении и каких-то там взглядах. Да плевать мне них! С этим я бы как-нибудь справилась! Да, не сказать, что легко, но справилась. Не впервой! Но как мне теперь выживать в академии?! Причем в совершенно приземленном смысле? Как?! Если я делю комнату со сводной сестрой, которая не постесняется испортить мне одежду и учебники?! В первый раз, что ли? И ко всем моим проблемам прибавится еще и долг перед академией!

От осознания этой перспективы я не выдержала и стукнула Чудовище кулаком в грудь. Не сильно, но так, чтобы до его холодной персоны в полной мере дошел смысл этого аргумента. Кажется, он подобного не ожидал и даже отступил на шаг. Но от меня так просто не сбежишь! Если уж я собралась вещать правду-матку, то он меня выслушает!

— А как, к примеру, мне обновить грифели и тетради, если родители пересылают наше общее содержание на ее счет и она сама решает, сколько же выделить «любимой» сестричке в этом месяце?

Я шагнула за ним следом и снова стукнула его кулаком в грудь.

— И я даже не говорю о банных принадлежностях, которые так или иначе нужны каждой девушке. — Еще один удар. — Искать работу в городе? Под конец учебного года?! — Удар. — И ладно учеба. Тут я как-нибудь справлюсь. Но сейчас подходящих рабочих мест там просто нет! — Снова удар. — Скажите, ун Страйк, как с такими раскладами мне доучиться в вашей академии хотя бы до конца года?! Как?! — Удар, удар, удар, вкладываемых в которые сил я уже не сдерживала.

Глава 3.4

А потом я ощутила, как Чудовище обхватил меня за плечи и прижал к своей груди. Сильно, решительно, не вырваться. И произнес:

— Тихо, Изабелла, тихо. Все будет хорошо. Успокойся.

Я снова ощутила то самое тепло — простое, человеческое, дернулась, не желая опять кому-либо доверяться, но не выдержала и разрыдалась, вцепившись в лацканы его пиджака.

Не знаю, сколько я так плакала, но в какой-то момент перед носом возник еще один платок — у ректора они что, в каждом кармане лежат? — и я с благодарностью его приняла, понимая, что и этот отдавать обратно будет стыдно. Придется покупать ректору новые. А то мало ли, ему еще одна истеричная адептка попадется, а платки все, закончились на мне.

Почему-то от этих мыслей стало еще горше. Как я не завывала в голос — не знаю. Наверное, остаться в памяти такого человеческого Чудовища истеричкой для меня еще было приемлемо, а вот на всю голову припадочной — уже нет. Хотя в чем разница?

Над головой прозвучал тяжелый вздох, и ректор попытался снова усадить меня на кушетку.

— Адептка Терн, отпустите меня ненадолго. Я налью вам успокоительного.

— Ненадолго? — зачем-то уточнила я, поняла наконец, какую глупость сморозила, и разжала пальцы. — Простите.

— Ничего страшного, моему костюму уже ничто не повредит, — пробормотал ректор, наливая мне очередную порцию успокоительного.

Я посмотрела на количество жидкости в бокале и поняла, что плеснули мне от души.

— Вот, пейте, адептка. — Он сунул мне в руки стакан. — Вам это сейчас нужно. И мне, похоже, тоже не помешает. — И налил немного уже себе.

Я отпила приличный глоток, зажмурилась, пережидая очередную огненную волну, промчавшуюся по пищеводу. В голове зашумело. А потом я вдруг осознала, что ректор знает, как меня зовут!

— Ун Страйк, а откуда вы знаете мое имя? — И рвано втянула носом воздух, все еще борясь с остатками истерики.

— Унса Терн, я знаю имена всех талантливых адептов своей академии, — отчего-то с укором произнес он, и я потупилась.

Снова выпила успокоительного и осознала, что мои веки сильно потяжелели и приходилось прилагать усилия, чтобы держать глаза открытыми.

— А я, по-вашему, тал... талан... талантливая?

Отчего-то последнее слово удалось произнести только с третьей попытки.

— Очень, адептка Терн. — Внезапно на лице Чудовища появилась легкая улыбка, которая так сильно преобразила его, что смысл его слов от меня ускользнул, зато до меня вдруг дошло, что наш ректор совсем не стар, а даже наоборот! Вернее...

Что вернее — я так и не додумала, мысли сильно путались, но это, правда, не помешало мне сказать:

— Ун Страйк, вам очень идет улыбка. Улыбайтесь, и адепты к вам того... — Я увидела маленькую подушечку, которая лежала рядом, в уголке кушетки, — потянусь. Да. — И потянулась к ней, решив, что всего на минуточку на нее прилягу. Вернее, на секундочку. Ма-а-аленькую такую секундочку.

— Я вас понял, Изабелла, я постараюсь, — кажется, уже послышалось мне, потому что успокоительное так хорошо меня успокоило, что снова открыла глаза я уже только утром. Ощутила, как раскалывается голова, и подумала, что лучше бы оно меня сразу и упокоило.

А когда до меня дошло, где именно я проснулась...

Глава 4. Слона не заметить сложно, но можно...

И все же вопрос, где я проснулась, был хоть и открытым, потому что вчера я так и не поняла, куда же принес меня ректор, но не самым актуальным. Поскольку стоило мне разлепить глаза и осознать себя в этой реальности, как я поняла, что жутко хочу пить и... в туалет. На фоне последнего как-то даже отошла на второй план головная боль, которая вцепилась мне в виски мертвой хваткой, стоило мне сесть и утвердиться в вертикальном положении.

— Такое впечатление, что меня ночью рунки жевали, — пробормотала я хрипло, мысленно зарекаясь еще хоть раз брать в рот ректорское успокоительное.

Встала и пошатываясь отправилась к двери, которую приметила еще вчера. По дороге увидела на небольшом столике вазу с цветами и осознала, что мне вода нужнее, чем им. Даже потянулась к тонким стеблям, но заметила, что рядом кто-то сердобольный поставил графин с водой.

Это же в каком я состоянии, если не увидела его сразу? Стакан я, к слову, заметила уже после того, как напилась воды, и решила, что сегодня разрешаю себе быть немножко — ладно, множко — невнимательной.

Нужно же иногда разрешать себе быть неидеальной. Тем более что впереди меня ждет отчисление и прочие радости самостоятельной жизни. Потому что домой к приемным родителям я не вернусь. Да проще сразу отправиться в разлом к рункам!

До официального совершеннолетия, когда мне исполнится двадцать один, осталось подождать всего год, и тогда можно будет даже не прятаться.

Я наконец добралась до увиденной двери и убедилась, что это и в самом деле ванная комната.

— Еще бы душ принять... — задумчиво произнесла я после того, как удовлетворила самые насущные потребности. — А почему бы и не да?

На занятия я все равно уже опоздала, если вообще на них когда-нибудь еще пойду.

Подумала, что после вчерашнего ректор вполне может исключить меня и сам. Даже писать заявление не понадобится. Я ему столько всего наговорила в накатившем на меня угаре, что не удивлюсь подобному развитию событий. Еще ведь и костюм слезами и не только слезами залила.

Стыдно...

Посмотрела на себя в зеркало и резюмировала:

— Н-да... красotka. Пожалуй, душ я все-таки приму. Вряд ли из-за этого ректор обидится на меня еще сильнее.

Глава 4.2

Я оглядела оснащенную по последнему артефакторскому слову ванную комнату, нашла в шкафчике полотенце, и сомнения отступили окончательно.

Разобраться бы только с новомодным душем, который ректор здесь установил. Но я же учусь на факультете Синей Луны и уж что-то, а активировать подобный артефакт смогу. Даже в том немного неадекватном состоянии, в котором я сейчас находилась.

Раздевшись, вошла в зону активации артефакта.

— Ай! — воскликнула я, когда на меня хлынула горячая вода. — О-о-ой! — Она изменилась на холодную. — А-а-а, — вырвался у меня облегченный стон, когда вода стала комфортной температуры.

Прикрыла глаза и подставила лицо льющимся струям, помассировала виски и ощутила, как головная боль наконец отступила. Хорошо...

Из-за шума воды я не сразу поняла, что слышу какие-то посторонние звуки, однако, открыв глаза и оглядевшись, ничего и никого необычного не увидела. Зато осознала, что не помню, закрывала ли за собой щеколду двери.

Пригляделась. Ну кто бы сомневался, что нет? Исправила это недоразумение и продолжила мыться, удивляясь ассортименту шампуней на полке.

Когда я наконец вымылась, высушилась и оделась, то вновь почувствовала себя человеком.

А еще ощутила, что готова выйти и бороться с обстоятельствами.

Снова взглядела в свое отражение в зеркале и решила, что послушная девочка Иза, которая стремилась заслужить любовь близких, окончательно исчезла. Осталась только та Изабелла, которая когда-то хотела сбежать с театральной труппой, чтобы жить, как ей самой захочется.

Разумеется, ни с какой труппой сейчас я никуда не побегу — слава Лунам, я уже не наивный ребенок, — но и прежней удобной и предпочитавшей лишний раз промолчать девочкой я тоже быть не желаю!

Вот в таком настроении я и покинула ванную, чтобы почти сразу встретиться взглядом с сидевшим за своим столом мрачным Чудовищем.

— Куда-то спешите, унса Терн? — поинтересовался он.

— А-а-а... — От неожиданности я застыла, утратив дар речи.

— Вам не кажется, что вам давно пора быть на занятиях?

Вокруг ректора на столе внушительными кучками лежали бумаги, и, судя по виду, он давно и основательно ими занимался. И это никак не вязалось с тем, что я сама совсем недавно проснулась вон на той кушетке.

Я посмотрела на оставленное мной спальное место, где все еще лежал плед, которым меня кто-то заботливо укрыл.

— А-а-а вы давно здесь сидите? — сглотнув, наконец смогла выдать из себя я.

— С самого утра.

Я представила, как он наблюдал за мной во время моего пробуждения и продвижения к ванной, и у меня вырвался нервный смешок.

— А слона-то я и не увидела, — пробормота

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.